

УРОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ СОЧИНЕНИЙ
Д.И.ФОНВИЗИНА

Привычная ошибка, так часто мешающая нам и нашим ученикам в разговоре о русской литературой классике, особенно классике XVIII века – слишком большая уверенность, что «XVIII век был давно», и следовательно, все, что написано Кантемиром и Ломоносовым, Фонвизиним, Державиним или Карамзиним осталось где-то там, далеко от нас, стало непонятным, а то и чуждым. Забытое, а иногда и фальсифицированное наследие писателей можно свести лишь к критике давно канувших в Лету социальных институтов, а эстетическое сознание читателя «эпохи постмодерна» само отторгнет чересчур прямолинейные рациональные схемы классицизма, не позволив взглянуть: существует ли действительно *рациональное* зерно, в них заключенное, так ли «давно» был тот самый XVIII век, наследие которого – и есть наше наследство, по большей части так и не востребованное.

Перспектива, которую открывает перед нами заинтересованное и непредвзятое изучение литературы XVIII века, без преувеличения безгранична. И что самое главное – для того, чтобы по-настоящему раскрыть ее, вовсе не нужно пресловутого «осовременивания» классики и искусственных попыток превращения их высказываний в своего рода «пророчества» о характерах и деяниях нынешних правителей и вершителей судеб страны. Эстетика Века Разума, стремившаяся во всем найти некие единые всеобщие законы, естественно предполагала, что здесь и сейчас высказанное писателем имело не только (и даже не столько) конкретно-исторический смысл, сколько оказывалось обращено ко всем народам и векам, предполагало безусловную уверенность, что Мысль не имеет границ

во времени и пространстве и может сослужить полезную службу как современникам, так и самым далеким потомкам. Именно эта особенность рационалистического взгляда на творчество придавала удивительную внутреннюю силу писателю, безусловно уверенному в том, что нет и не может быть бесплодных усилий на этом пути. «Человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества»¹. Так писал Д.И.Фонвизин, наследие которого для нас часто выступает своеобразным «представительством» за всю русскую литературу XVIII века и вернуть живой «нерв» в восприятие которого – задача, безусловно позволяющая выйти и к решению других, на первый взгляд более масштабных проблем школьного изучения литературы.

Внутреннее единство творческого наследия Фонвизина можно почувствовать уже взглядевшись в одно из первых его оригинальных сочинений – философскую сатиру «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1763-1764). Выстроенное как цепочка развернутых ответов на главный вопрос автора – «На что сей создан свет?» - послание это вводит уже в достаточно раннее творчество Фонвизина духовно значимую проблему смысла бытия, обдуманности и божественной «оправданности» мироздания, в котором есть место злу и несправедливости. Философский вопрос обращен к простым людям — слугам; в ответе каждого из них поднимаются столь острые и болезненные проблемы общественного устройства, что сомнения в осмысленности всего вокруг невольно нарастают. Крепостной дядька Шумилов, пожилой человек, знает только одну истину — незыблемость отношений «рабов» и хозяев: «Я знаю то, что нам быть должно век слугами, / И век работать нам руками и ногами...» (Т. 1.— С. 209). Для конюха Ваньки смысл бытия — всеобщая суета, глупость и обман, пронизывающие все вокруг: «Попы стараются обманывать народ, / Слуги

¹ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. - М.; Л., 1959. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

дворецкого, дворецкие господ // Друг друга господа, а знатные бояря /
Нередко обмануть хотят и государя (...) За деньги самого Всевышнего Творца
/ Готовы обмануть и пастырь, и овца!..» (Т. 1. — С. 211). Но наиболее
бессмысленной видит жизнь лакей Петрушка, речь которого завершает
стихотворение. Все вокруг — лишь ловкая игра, в которой важно не упустить
своего выигрыша: «На что молиться нам, чтоб Бог дал видеть рай? / Жить
весело и здесь, лишь ближними играй» (Т. 1.— С. 211); и самое страшное,
что Бог также, словно жестокий, расчетливый игрок, зло шутит над
человеком:

Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу...
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот так вертится свет; а для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак...

(Т. 1.— С. 212).

Поиски смысла бытия обречены на провал; остается лишь принять сло-
жившийся порядок вещей и посмеиваться над всем, что может развлечь
просвещенного человека: не случайно в «Послании...» Фонвизина столь
важное место занимает ирония, комическое смешение высокого и низкого (в
языке стихотворения — старославянизмов и разговорного просторечия); эта
ирония здесь — словно защита от отчаяния, рождающегося в результате
понимания того, что все на свете — жестокая бессмыслица.

Однако философский скептицизм своего «Послания...» сам Фонвизин, а
вслед за ним и позднейшая критика не считали истинным выражением
безбожия; по словам писателя, «сие сочинение было действие не безверия, но
безрассудной остроты моей» (Т. 2.— С. 96). Тем не менее в последующем
творчестве писателя большую роль играет поиск просветительских идеалов,
которые должны стать опорой человеку на трудном жизненном пути. Это —
национальное достоинство, польза Отечеству, идеал просвещенной и

добродетельной, радеющей о пользе страны и народа монархии, просвещение разума, воспитание сердца, верность дружбе и любви, незыблемость очищенной от предрассудков веры в благое Провидение Творца. Утверждение этих ценностей становится опорой Фонвизина-сатирика и в бесстрашном осмеянии всего, что было вредным и разрушительным для государства и его граждан.

Одним из первых уроков национального достоинства стала комедия Фонвизина «Бригадир» (1769). Сразу бросающееся здесь в глаза осмеяние «грубого лоска поверхностного европейского полуобразования»², не было в полной мере художественным открытием Фонвизина: изображение молодого человека, настолько увлеченного внешними атрибутами «европейца», что невольно забывающего свое отечество, было хорошо знакомо русскому читателю и выступало мишенью писателей-сатириков уже с самого начала XVIII столетия.

Именно об этом типе «культурного межеумка», «исторической ненужности», ставшей наиболее печальным следствием петровских преобразований, писал в свое время историк В.О.Ключевский: «Всю жизнь помышляя о “европейском обычае”, о просвещенном обществе, он старался стать между своими и чужими и только становился чужим между своими. В Европе видели в нем переодетого по европейски татарина, а в глазах своих он казался родившимся в России французом. <...> Очутившись ... между двумя житейскими порядками, в каком-то пустом пространстве, где нет истории, русский мыслитель удобно устроился на этой центральной полосе между двумя мирами, пользуясь благами обоих, получая крепостные доходы, с одной стороны, умственные и эстетические подаяния – с другой. <...> Так незнание вело к равнодушию, а равнодушие приводило к пренебрежению»³.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1955. – Т. 7. – С. 118.

³ Ключевский В. О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В. О. Литературные портреты / Сост., вступ. ст. А. Ф. Смирнова. М.: Современник, 1991. С. 124 (Б-ка «Любителям российской словесности». Из литературного наследия.).

Стихотворная сатира и журнальная публицистика детально представляли попугайную пышность нарядов «новых нарциссов»; комедиографы любили обыгрывать забавные приметы их речи, строившейся на комическом смешении «французского с нижегородским», как позднее лаконично охарактеризует подобную речевую манеру А.С.Грибоедов: «О, фидом! На нашем языке! Вот еще какой странный экскуз! Наш язык самой зверской и коли бы мы его чужими орнировали словами, то бы на нем добрым людям без ореру дискурировать было не можно. Кель диабле! Уже нынче не говорят риваль, а говорят солубовник... Солубовник! Как же это срамно! И проносуасия одна уши инкомодирует» (В.И.Лукин «Щепетильник», 1768)⁴.

На фоне подобной двуязычной какофонии речь фонвизинского Иванушки кажется куда более ровной в стилистическом отношении, не столь забавно-нелепой – но сами вещи, которые говорит он при этом, оказываются куда более опасными.

«Всякий, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в число тез, затем что он уже стал больше француз, нежели русский...» (Т. 1. – С. 76); «...тело мое родилось в России <...> однако дух мой принадлежит короне французской...» (Т. 1.— С. 72),— заявляет Иванушка, который, даже объясняясь в любви Советнице, сетует: «...все мое несчастье состоит в том, что ты русская» (Т. 1.— С. 69). Фонвизин понимает, что человек, лишенный патриотизма, не признающий законов родной страны, ненавидящий ее народ, историю и даже язык, не имеет права называться русским. Разрушительна галломания и для нравственности. Иванушка и Советница не признают супружеской любви и верности, считают святость семейных уз смешным и глупым предрассудком; так, готовый вызвать отца-Бригадира на дуэль, герой комедии объясняет свое решение: «Один сын в Париже вызывал отца своего

⁴ Цит. по: Рассадин С. Умри. Денис, или Неугодный собеседник императрицы. – М., 2008. - С. 115.

(...) или я скот, чтобы не последовать тому, что хоть один раз случилось в Париже» (Т. 1.—С. 70). В связи с проблемой галломании возникает и вопрос о воспитании: в «обезьяну» полупросвещения Иванушку превратило общение в детстве с «учителем» — французским кучером; герой вспоминает: «Я одному из них должен за любовь мою к французам и за холодность мою к русским. Молодой человек подобен воску. Ежели бы я попался к русскому, который бы любил свою нацию, я, может быть, и не стал бы таков» (Т. 1.—С. 98); по мысли Фонвизина-просветителя, лишь серьезное внимание к тому, как происходит становление личности, может сделать человека истинным гражданином, приносящим пользу Отечеству.

На этом фоне столь болезненно воспринимаемые многими читателями, начиная с П.А.Вяземского, т.н. «Письма из Франции» Фонвизина (1777-1778) оказываются не столько свидетельством предвзятой позиции писателя (намеренно подчеркивающего, где только можно, отрицательные стороны жизни французов), сколько именно попыткой трезво – без «розовых очков» - взглянуть в повседневные подробности европейской жизни, постараться угадать направление скрытых процессов, которые протекают в ней, возможно, накапливая угрожающие противоречия. Сам Фонвизин как будто отвечал своим возможным критикам: «Надобно отрещись вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного. Все сие, однако ж, не ослепляет меня до того, чтоб не видеть здесь столько же ими и больше совершенно дурного и того, от чего нас Боже избави» (Т. 2. – С.466). «Письма...» Фонвизина – не столько «человеческий документ» - личные письма, адресованные графу П.И.Панину и свидетельствовавшие о личных впечатлениях; в духе того времени форма личной переписки вмещала в себя более широкое литературно-политическое обобщенное содержание. Личные впечатления путешественника-Фонвизина, изложенные в письме к другу-покровителю, превращались в особый тип публицистики. Автор здесь – своего рода «идеальный» путешественник-мудрец, не способный обмануться внешним

блеском, стремящийся дойти до сути. Отсюда столь большое количество обобщающих сентенций, которыми буквально насыщены «Письма...». Фонвизинский путешественник убеждается в несовершенстве законов – и звучит горькая истина, что законодательство страны «...есть здание, можно сказать премудрое, сооруженное многими веками и редкими умами; но вкравшиеся мало-помалу различные злоупотребления и развращение нравов дошли теперь до самой крайности и уже потрясли основание сего пространного здания, так что жить в нем бедственно, а разорить его пагубно» (Т. 2. – С. 459). Разразившиеся через десятилетие события Французской революции в полной мере подтвердили правоту Фонвизина. Письма из Франции были не только попыткой писателя провести политический и культурологический анализ особенностей жизни другой страны, но в первую очередь призывом к современникам: не принимать на веру сомнительных «истин» о превосходстве иных наций над собственной, помнить, что самое главное в характере народа можно понять, лишь долго и вдумчиво наблюдая самые разные стороны его жизни, помнить, «...что люди везде люди, что прямо умный и достойные человек везде редок и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом» (Т. 2. – С. 466).

И все же главным «роком национального достоинства – уроком жизни – стала комедия Фонвизина «Недоросль», впервые в творчестве писателя представившая нам не только отталкивающе-омерзительный облик людей, не достойных человеческого звания, но и подлинно цельный образ идеала, им противостоящего. Не только рассуждения автора-публициста, но и попытка создать живой сценический тип, вывести на сцену «образованное общество», представить «дух и слог» добродетельных персонажей, добившись тем самым цельности художественного мира пьесы, – вот что было целью Фонвизина в этой комедии.

Дадим слово исследователю – нашему современнику: «Нам ни разу не пришло в голову пожалеть, что долгие годы мы провели в компании Дениса Ивановича – остроумного рассказчика, который слушает вас всегда с интересом и отвечает искренне. Он знает, что вы с удовольствием посмеетесь вместе с ним, даже если его слова заденут вас за живое. В самом деле – от него вы все время узнаете что-нибудь новое о вас самих и о мире, который ему никогда не надоедает изучать. Вы ведь знаете, что смех – его подарок вам, подарок его сердца, которое часто бывает полно боли и горечи. Говоря с ним, вы слышите певучую мелодию, ритм которой, однако, синкопирован – это его родной язык, одним из создателей которого он является. Пушкин любил его за то, что он был «из прерусских русским», да и как не привязаться к этому человеку, который соединил в себе лучшие черты нации, колосу которой так приятно внимать?»⁵.

Своего рода «символ веры» фонвизинского Стародума «...Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время...» называет значимые для «русских мальчиков» XVIII столетия основы «самостоянья человека» в сложном и противоречивом мире. Душа и сердце — те единственные значимые ценности, которые должно хранить и которые станут основой истинного счастья. Утвердительный пафос комедии рождается из напряженного поиска, раздумий и сомнений персонажей и автора; лишь почувствовав это, возможно действительно поверить любимым героям Фонвизина, понять глубокий смысл его нравственных уроков и пророческих предостережений.

⁵ Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. – М.: Прометей, 1994. – С. 5.